

● Театральные премьеры

ПОВЕСТЬ Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» написана так осязаемо, так живописно, что, читая ее, слышишь, как хрустят ветки под ногами старшины Васкова и пятых его бойцов, видишь, как осторожно идут они по лесу... За каждым кустом, за каждым деревом, за каждым кустом, может быть, притаился враг. Над фашистами довлеет суровый приказ: любой ценой пройти к Беломоро-Балтийскому каналу, перерезать железную дорогу, ведущую в Мурманск.

Что же придумает бывалый старшина? Как он распорядится имеющейся у него боевой силой — пятью юными женщинами, не нюхавшими пороха?

За этим следил с волнением, придя на спектакль Ростовского театра юного зрителя, поставленный по повести Б. Васильева режиссером М. Назаровой.

Интерес к новой работе труппы возрастает от картины к картине. Мы отдаем должное режиссерскому замыслу, подчиненному выявлению той поэтической, той публицистической силы, которая есть в повести Б. Васильева.

Правда, в спектакле отсутствует живописный армейский быт, выписанный талантливой рукой прозаика, но в рамках режиссерского замысла М. Назаровой он внес бы разнообразность в решение спектакля. На сцене — драматическая поэма (так обозначен жанр новой работы театра). Детальный, с бытовыми подробностями рассказ уступает место во многом условному поэтическому действию. В этом плане выполнено оформление художника Д. Близнака, ему соответствует музыка С. Горбенко. И оказалось, что достаточно, к примеру, нескольких музыкальных фраз, напоминающих разухабистые фашистские марши, и мы можем почти воочию представить вражеских лазутчиков, прорубивших запасом динамита по русскому лесу.

Режиссерские приемы помогают зрителям сосредоточить внимание на характерах Васкова и его «воинства». И в этом плане есть несомненные творческие завоевания.

Во-первых, образ самого старшины. Артист Н. Чиндякин показывает нам настоящую «военную кость». Такие люди, как Федот Васков, бесконечно преданы армии, не представляют жизни вне строя. И потому, зная тяготы военной службы, Васков Чиндякина с такой печалью смотрит на женщин, волею беспресловной армейской судьбы

оказавшихся у него в подчинении.

Очень хорош у Чиндякина старшина, когда он ласково объясняет, как надо переходить через болото, как надо наворачивать портянки, чтобы не сбить ноги в дальнем переходе. И металлические потки в голосе у старшины тоже есть. Не без этого.

Но вот на глазах у Васкова гибнут друг за другом четверо. Да еще пятая — Лиза Бричкина, посланная за помощью к своим (В. Вакмат), находит свою смерть в болоте. А приказ не выполнен. И Васков, раненный в руку, командует уже самому себе: «Направо!» — и уходит в леса. Бой продолжается. Неравный бой.

Как же много испытал Федот за эти часы! А у Н. Чиндякина это трагическое возмужание старшины, состарившее его лет на десять, показано, к сожалению, не совсем убедительно. Он не смог отнять у своего героя ту внутреннюю браваду, которая была хороша вначале, и совсем неуместна в конце этой истории.

Динамичного развития образа не происходит. Навер-

«А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»

ное, поэтому Васков выглядит пока несколько однотоным.

Думается, что автор инсценировки С. Димант и театр напрасно не досказали зрителям сюжет повести. А ведь у Б. Васильева старшина Васков, отчаявшись в том неравном поединке с фашистами, идет на верную смерть, врываясь с гранатой без запала и с пистолетом, в котором был один патрон, в охотничью избушку, где отлеживались обессылавшие немцы. Васков берет их в плен, потому что у врага был окончательно сломлен боевой дух, а Васков не сломился, нет!

Жаль, что этой важной детали, венчающей повесть, нет в спектакле. Есть и другие ощутимые потери. Это прежде всего не совсем удавшиеся образы боевых соратников старшины Васкова.

Пожалуй, только А. Степанова (Соня Гурвич) да Т. Канаева (Гали Четвертак) создают художественно убедительные характеры. Степановой удалось передать в своей Соне лиризм ее души, неискренность во всем, что ее касается того дела, к которому она себя готовит, — литературы. А Четвертак в исполнении Канаевой — полуженщина, полуребенок. Ее ребячливость привлекательна, ее наивность восхитительна, но мы так и не понимаем, в чем причина беспомощности Гали Четвертак перед жизнью.

Рита Оснянина у А. Букатовой и Женя Комелькова у Н. Трояновской пока несколько бесплотны. В чем тут дело? Мне кажется, те биографии, которые есть за плечами этих молодых женщин, актрисы по-настоящему еще не прочувствовали, не пережили и потому они не могут в полной мере убедить зрителей в том, что женственность их героинь уступила место мужеству.

Режиссер М. Назарова, видимо, и не стремилась так четко обозначить характеры женщин-бойцов, как это сделано в повести. Для того замысла, который родился у нее, важна была общая картина, то, по определению С. Есенина, «большое», которое «видится на расстоянии». В таком случае, надо признать, что образ коллективного подвига в спектакле существует, хотя более полная индивидуализация героинь этой истории пошла бы, разумеется, на пользу спектаклю.

Пожалуй, самые сильные сцены — та, что проходит с выразительным песенным рефреном «Топится, топится в огороде баня», и картина гибели Гали Четвертак и Жени Комельковой. Они падают, подожженные автоматными очередями врага. Они, мертвые, поднимаются с последними словами, обращенными к зрителям. Поэтическая структура спектакля позволяет это сделать. Воздействие этих сцен на зрителя — вне сомнения. Прием такого рода мне довелось видеть в «Поднятой целине» у Б. Равенских: убитые в курене Островнова Давыдов и Нагульнов долго идут по степи, взявшись за руки, и степь принимает их в объятия матери-Родины, потерявшей своих сыновей...

Но Родина теряла и дочерей — отважных воинов. О них — новый спектакль ТЮЗа, созданный теми, кто родился, как правило, после Победы. Думается, что при углублении сценических образов новая работа ТЮЗа сыграет свою роль в идейно-художественном воспитании молодежи.

Ю. НЕМИРОВ.